

ПЕТРОГРАДЪ.

ц. 15 к., на станц. ж. д. 20 к.

Рис. С. Судейкина.

ИСТОРИЧЕСКАЯ (P)

(Перепечатка воспрещается).

ПЕРВЫЙ ВЫСТРѢЛЪ НА ПОЗИЦІЯХЪ ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ. ДОМЪ СОЛДАТСКАЯ

СИДѢЛЪ солдатъ въ окопахъ, и осень сидитъ и зиму сидитъ, и захотѣлось ему на родинѣ побывать.

— Хоть бы,—говоритъ,—чортъ меня туда снесъ, глазкомъ взглянуть!

А онъ тутъ-какъ-тутъ.

— Ты,—говоритъ,—Королевъ, меня звалъ?

— Звалъ.

— Домой захотѣлъ?

— Да мнѣ бы на недѣлку.

— Изволь, на три,—чортъ растопырился,—давай въ обмѣнъ душу!

— А какъ же я службу брошу?

— Я за тебя.

И рѣшено было у солдата съ чортомъ: солдатъ недѣлю и другую и третью на родинѣ проживетъ, а чортъ это время въ окопахъ просидитъ.

— Ну, скидывай!—сказалъ чортъ солдату.

Солдатъ снялъ съ себя шинель, шапку, подаль чорту и ружье отдалъ. И не успѣлъ опомниться, какъ очутился дома.

А чортъ кое-какъ ремни подвязалъ и залегъ съ ружьемъ.

Дѣло-то ему непривычно, думалъ, что какъ-нибудь обойдется, а въ первую же ночь хвостъ къ землѣ

примерзъ, ужъ отдиравъ, отдиравъ, едва высвободился. А ничего не подблещь,—служба! Да и голодно: привыкъ по трактирамъ шататься, а тутъ тебѣ не трактиръ. И самъ ужъ не знаетъ, что въ голову полѣзло: извѣстно, какая ужъ совѣсть, а тутъ послали выбивать штыками,—рука не подымается, въ родѣ какъ жалко.

Недѣля прошла,—за годъ показалась. Полегоныку завшивѣлъ чортъ, а бородачи отросла во!—ни на что не похоже.

Такъ и сидѣлъ чортъ въ окопахъ, мерзъ да зубами шелкалъ. И ужъ чья-то добрая душа чорту въ окопы кisetъ прислала. Ко хвосту его чортъ придѣлалъ, а легче не стало.

Наконецъ-то насталъ срокъ солдату.

Простился солдатъ съ домашними.

— Невозможно,—говоритъ,—больше оставаться, прощайте!—и опять попалъ въ окопы.

А чортъ, какъ завидѣлъ солдата, все съ себя долой.

— Ну,—говоритъ,—съ вашей и службой-то солдатской! — да стрекача изъ окоповъ, забылъ и про душу.

Алексѣй Ремизовъ.

Рис. М. Соломонова.

БЪЖЕНЦЫ.

(Собств. журн. «Отечество».)

Какъ странно смотрѣть на рекламы,
На рамы, на встрѣчныхъ дамъ,—
Другія сейчасъ панорамы
Мерещатся глазамъ:

Историческій берегъ Вислы,
Россія и любовь,
А надъ ними тучей нависли
Выстрѣлы, смерть и кровь...

И трудно дышать отъ дыма,
И больно ненужнымъ быть...
Съ печалью стыдливой мимо
Больницъ военныхъ ходить...

О, сердце съ двойною болью
Слѣдишь ты за каждымъ днемъ.
Утѣшишь какою ролью
Себя? Утѣшишь какимъ огнемъ?

Рюриковъ Иванъ.

(Перепечатка воспринимается).

у водооя.

М. КУЗМИНЪ. КИГИКОВА ЛОДКА.

ВСЯКІИ знаютъ, какъ портовые жители сначала замѣчаютъ словно кремневый огонь съ далеко стоящихъ судовъ и потомъ уже черезъ полъ-минуты до ихъ слуха дойдетъ тупой выстрѣлъ. Такъ и подлиннымъ вѣстямъ о великой войнѣ предшествовали предзнаменованія, видѣнія, слухи и пророчества въ томъ далекомъ на сѣверѣ селѣ среди печальныхъ болотъ, гдѣ непрерывный шумъ моря наводитъ такую тоску, что начинаешь думать, что слово «поморье» происходитъ не отъ «моря», а отъ глагола «помереть». Отъѣхать верстъ на двадцать отъ берега туда, гдѣ твердая совѣмъ уже земля и кое-какой лѣсъ, не слышно, не видно моря, — все-таки становится легче, а здѣсь бѣлесоватый заливъ, будто упавшій откуда-то глазъ съ бѣлымомъ, бѣлое небо въ туманѣ, гдѣ только Мартынъ доказываетъ, что это еще не послѣдняя бѣлизна, сонное солнце, сонный плескъ серебряной рыбы смотреть на человѣка, будто на пришельца, и вся безкрайность словно лѣниво ждетъ, когда же будутъ бѣлыя ночи, или покроется все снѣгомъ.

Какъ бы сохраняя тотъ инстинктъ даже не животныхъ, а насѣкомыхъ, заставляющій ихъ окрашиваться въ цвѣтъ окружающей ихъ природы, и люди, шедшіе по узкой тропинкѣ, были одѣты въ бѣлый некрашеный холстъ, ихъ волосы бѣлы были почти до сѣдины, и голубые глаза словно вылиняли отъ тумана. Паръ подымался за каждымъ ихъ шагомъ отъ вдавливаемого мха, будто шли они по пожарищу. Шло трое; остановились около самаго берега, гдѣ ждала незамѣтная лодка, затѣмъ остались двѣ фигуры, а молочную воду разрѣзавъ густой желтоватый слѣдъ. Женщины пошли обратно по едва замѣтнымъ слѣдамъ, будто прямо болотомъ; одна изъ нихъ обернулась еще разъ на море, гдѣ въ полосѣ, осеребренной солнцемъ, качалась лодка. Затѣмъ, запахнувъ бѣлый кафтанъ, догнала старшую, путаясь въ стебляхъ моршки.

«Насмотрѣлась?»

— Нѣтъ, не насмотрѣлась.

«Дура ты, Ульяна, какъ посмотришь на тебя».

(Перепечатка воспрещается).

КАЗАКИ.

— Какая есть.
«Да ты съ кѣмъ говоришь то: съ матерью, или нѣтъ?»

— Хоть бы и съ матерью.

«Такъ развѣ такъ съ матерью говорятъ?»

— А то какъ же еще? говорю по русски.

«Вотъ погоди, сестрѣ Киликѣ скажу, она тебѣ покажетъ отвѣчать, лѣстовкой то отхлещетъ».

— Съ какой стати? я у нея еще не подѣ началъ, да если бѣ и была, что же я сдѣлала? Кирика провожала? Такъ что тутъ худого? всѣ знаютъ, что въ Покровъ онъ меня возьметъ за себя.

«Вѣшайся ему больше на шею, такъ и спятится!»

— Кирикъ не спятится, не такой онъ человѣкъ.

«Какой же онъ такой особенный? какъ и всѣ—кожаной, да кожанный».

— Пускай кожанный,—все равно не спятится».

«Да ты не потеряла ли себя ужъ, Ульяна?»

— Нѣтъ.

«То то».

— А если бѣ и потеряла—кому какое дѣло?

«Да что ты бѣлены объѣлась? совсѣмъ огъ рукъ отбилась, будто у нея ни отца нѣтъ, ни матери!»

Ульяна, дѣйствительно, имѣла и мать, которая шла вмѣстѣ съ нею къ раскиданному селу, и отца, известнаго въ окрестности, какъ мѣстнаго богатея и содержателя тайнаго скита. Тайнымъ скитъ былъ

когда то, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, теперь же ни для кого не было секретомъ, что въ шести, семи избахъ одного изъ гнѣздъ, составлявшихъ село, жило съ дюжину старухъ и дѣвушекъ, занятыхъ рукодѣльемъ, моленьемъ и сварами. Дѣйствительно было и то, что Кирикъ Фроловъ сваталъ уже дѣвушку, и получивъ согласіе родителей, собирался сыграть свадьбу послѣ Покрова.

Правдой было, пожалуй, и то, что Ульяна слишкомъ любила Кирика и не считала нужнымъ скрывать это, но, конечно, она и не ошибалась, полагая Кирика «не такимъ человѣкомъ». Хотя съ виду обвѣтренное, загорѣлое сѣвернымъ морскимъ загаромъ, будто слегка дубленое лицо парня съ прямыми русыми волосами и пристальнымъ взглядомъ было какъ у всѣхъ, но иногда въ этихъ глазахъ вдругъ неподвижно зажигались словно голубыя свѣчи, отчего лицо дѣлалось бѣлѣе и прозрачнѣе, а самъ Кирикъ не казался тогда уже такимъ «кожаннымъ, да кожаннымъ». Впрочемъ, за эти то краткія минуты и считала Ульяна своего жениха особеннымъ, если не по дѣвичьей глупости, для которой всегда «по мплу хорошъ».

И теперь у большой избы сосѣда Кириковы глаза такъ же странно и неподвижно голубѣли, словно онъ не слышалъ, что говорили кругомъ, или слишкомъ внимательно слушалъ другое, чего не говорили.

Писарь, сидя на бревнахъ, читалъ газеты, и его окружали старовѣры и церковные, старики и ребятишки, даже Ульянинъ отецъ стоялъ въ розовой высоко подпоясанной рубашкѣ съ палочкою въ рукѣ. Газета была старая, чуть ли не за двѣ недѣли, но людямъ, приученнымъ моремъ и молитвами къ какому то особенному, вѣчному времени исчисленію, эти новости казались происшедшими минутою тому назадъ, но сплетались какъ то непонятно не то съ отрывками изъ «Караловой книги» объ Антихристѣ, не то съ бѣлымъ поморскимъ туманомъ.

«... подъ дулами револьверовъ несчастнаго казначея заставили выдать городскія деньги: когда же оказалось, что послѣднихъ всего 263 руб. 78 коп., злодѣи разстрѣляли на глазахъ у него его жену и дѣтей, потомъ и его самого»...

Читающій и слушатели не дѣлали какъ то разницы между случаями современной войны, гоненіями римскихъ императоровъ на первыхъ христіанъ и исторіями изъ Лѣтописца. И такъ же благочестиво вздохнулъ кто-то:

«О Господи, Иисусе Христе!»

— Сюда то, мамынька, не придуть?

«Да какъ же имъ придти то, откуда?» отвѣчала баба такимъ тономъ, будто рѣчь шла о войскахъ Гоги и Магоги.

— А вотъ въ Севастопольскую кампанію — началъ сѣдой солдатъ, словно покрытый зеленью отъ старости...—англичане къ намъ приходили... въ Соловки стрѣляли, да палили... было дѣло...

«Такъ то англичане, а не нѣмцы, батюшка».

— Англичане, англичане...

«А вотъ наши на морѣ видѣли корабль, не русскій... подошелъ, постоялъ, постоялъ и тихо назадъ пошелъ».

— Во снѣ видѣли то!

«Нѣтъ, нѣтъ, не во снѣ».

— А вотъ въ среду, такъ говорилъ Дементій, видѣлъ: лодка и два старца въ ней... видать, что старцы, а лицъ не разобрать, будто нѣтъ. И ручекъ не чуть, одни рукава и простираются вдаль, и голосъ слышенъ. Одинъ говоритъ: «Зосима, не пора ли? нашимъ туго»... а тотъ отвѣчаетъ: «спогоди, Савватейшко, не торопись, еще справится». Такъ не то пробхали, не то подъ водой скрылися, больше не видать стало...

«Ну, это онъ изъ житія вычиталъ, не то св. Александра Невскаго, не то св. Александра Свирскаго».

— Большая разница: одинъ — Благовѣрный Князь, другой — Преподобный.

«... все сожигая на пути своего отступленія.

угоняя скотъ и увзя всѣ дѣшныя вещи...» продолжалъ читать писарь.

— А объявленіе будетъ?

«Какое объявленіе?»

— На счетъ того, какая вѣра правильная.

«Опомнилась! Развѣ теперь такое время. Безо всякаго объявленія теперь нужно «Спаси Господи!» къ небу кричать едиными устны и единымъ сердцемъ».

— Да, да, правду ты говоришь!

«А вотъ въ Архангельской, говорятъ, плѣнныхъ пригнали. Страшные! По нашему не говорятъ».

— Это не плѣнные, это нѣмцевъ изъ Питера выслали. Плѣнные тѣ съ номерами и въ кандалахъ.

«Нѣтъ, эти безъ номеровъ. И барыни ихнія съ ними. Тѣ еще злѣе, барыни то».

— О Господи! Къ намъ бы не прислали!

«Не пришлютъ У насъ мошкара забѣсть, опять, сырость».

Кирикъ, какъ застывшій, слушалъ то ли, что говорили, то ли, о чемъ не было рѣчи.

На слѣдующее утро онъ пропалъ, исчезла куда-то и его лодка. Ульяна думала, что онъ спозаранокъ отправился рыбу ловить и просидѣла до вечера на кочкѣ, но Кирикъ не возвращался. Не возвращался онъ и на другой день и на третій. Цѣлую недѣлю ходила Ульяна къ морю, потомъ перестала. А тутъ начались разговоры: то Кирика видѣли съ лодкой, то лодку безъ Кирика, что-то онъ даже кричалъ будто бы рыбакамъ: не то «горячо», не то «хорошо». Наконецъ и разговоры прекратились. Пропалъ Кирикъ, да и все тутъ. Весною часто рыбаки пропадаютъ, а онъ лѣтомъ пропалъ... все можетъ быть. Долго Ульяна крѣпилась, наконецъ сдалась и стала на ночь читать канонъ за «единоумершаго». Слезы растопили окаменѣлость и растравили рапы, такъ что можно было ихъ врачевать. Покровъ уже былъ близокъ, когда Ульяна, войдя въ келью матери Киликен, поклонилась ей въ ноги и сказала:

«Къ твоей милости. Возьми меня подъ начальъ, хочу постричься».

— Дѣло доброе, дѣло доброе. Блаженъ изволь твой о Господѣ—отвѣчала та, крестясь.

«Вся душа моя изныла, матушка, одна мнѣ радость, одно мнѣ спасенье—молиться, душу свою бѣлить передъ Господомъ!»

Въ сѣняхъ кто-то быстро, не по скитски, затопталъ, постучали въ двери безъ молитвы, Киликеня недовольно молвила:

«Кто тамъ? съ цѣпи сорвался, что ли?»

Въ горницу вбѣжалъ подростокъ съ бумагой въ рукѣ.

(Перепечатка воспрещается).

ВЪ ОЖИДАНИИ ОБЪДА.

«Тебѣ, Ульяна, отъ Кирика письмо!»

— Отъ Кирика?—спросила Ульяна, будто не понимая и не поднимаясь съ колѣнъ.

«Что за вздоръ! нешто могутъ съ того свѣта письма приходить! разсуждала Киликея, межъ тѣмъ, какъ Ульяна на колѣняхъ еле разбирала отъ слезъ каракули. Наконецъ она опустила письмо и широко перекрестившись, воскликнула:

«Живъ, живъ!»

— Дай-ка бумагу-то—сказала Киликея, надѣвая очки.

Въ письмѣ не менѣе фантастично, чѣмъ все, что говорилось въ селѣ, чѣмъ все, что тамъ представлялось, было описано, какъ Кирикъ

. послѣ долгихъ скитаній сражается противъ нѣмцевъ. Все казалось исторіей давно минувшей, вродѣ страницы изъ житія, или хожденія въ Святую землю.

Прочитавъ письмо, Киликея обратилась съ улыбкой къ дѣвушкѣ:

«Такъ какъ же, милая, ностригаться-то повременишь?»

— Повременю, Киликеюшка.

«Ладно, ладно, воля твоя».

— Не сердись, матушка.

«Миѣ что? Твоя воля, твое и хотѣнье».

— Матушка!

«Что?»

— Скажи миѣ, что онъ вернется.

«Ужъ этого я не знаю. Какъ Богъ разсудитъ».

— Нѣтъ ты миѣ навѣрное скажи.

«Вотъ безумная то пристала! Что я тебѣ пророкъ, или гадалка? какъ же я могу это знать?»

— А вотъ я—не пророкъ и не гадалка, а знаю, знаю, что Кирикъ вернется!

И Ульянѣ такъ ясно представилось, какъ въ Кириковыхъ глазахъ вмѣсто голубыхъ свѣчей отражаются ружейные огни, что она повѣрила, что наступитъ время, когда въ этихъ взорахъ снова заблестятъ блѣдно родное небо и море, и ея, Ульянины глаза.

М. Кузминъ.

формы. Через нѣкоторое время изъ него появилось растеніе съ широкими листьями, а вскорѣ распустились на немъ большіе огненные цвѣты. Петиту былъ на седьмомъ небѣ отъ счастья и каждый день въ продолженіе недѣли, пока цвѣлъ этотъ необычайный цвѣтокъ, рассказывалъ о своей находкѣ своему партнеру, господину Босю.

— Вы не повѣрите, что это за великолѣпіе! Надо только его разъ увидѣть, чтобы никогда не забыть. И кто-бы могъ подумать, что я найду его подъ каштаномъ на Итальянскомъ бульварѣ, въ первый день міагеме!

М-г Босю хмурилъ брови, тянулъ себя за усъ и отвѣчалъ хриплымъ басомъ стараго зуава:

— Вы кажется скоро съума сойдете со своимъ цвѣткомъ м-г Петиту! Опять всѣ ходы спутали... И ничего особеннаго вашъ цвѣтокъ не представляетъ... Судя по вашему описанію, это ни что иное, какъ на-стурція.

Но м-г Петиту ни за что не могъ съ этимъ согласиться. Онъ не возражалъ, потому что слегка побаивался

своего мрачнаго партнера, но въ глубинѣ души считалъ свой цвѣтокъ необычайнымъ, не имѣющимъ названія на бѣдномъ человѣческомъ языкѣ.

Въ большинствѣ же случаевъ, ничего не вышло изъ посадокъ Петиту. Апельсинныя сѣмечки или засыхали такъ, что походили на камешки или, про-

гнивъ, давали ростки такіе хилые и топкіе, что нельзя было смотрѣть на нихъ безъ слезъ. Дня черезъ два пропадали и они.

У мосье Петиту была дочь Тереза, которая жила въ Феканѣ своей семьей. До замужества она жила съ отцомъ и тогда Петиту обѣдалъ дома и даже очень плотно обѣдалъ.

(Перепечатки воспрещаются).

Дѣло въ томъ, что м-те Петиту, супруга мосье Петиту, имѣла довольно кругленькую ренту и клочекъ земли въ районѣ Сены. Собственно она и женила на себѣ Петиту, такъ какъ онъ хотя и былъ въ тѣ времена молодъ, но все-же казался скромнымъ и свободно могъ спрятаться за спиною м-те Петиту.

Даже теперь, вспоминая жену, м-г Петиту боязливо оглядывался и два пальца правой руки прикладывалъ ко рту, точно въ знакъ молчанія.

Послѣ свадьбы мосье Петиту съ женою поселился на ея фермѣ. Тамъ онъ ловилъ рыбу, а она хозяйничала и по вечерамъ читала ему нотаніи, но когда ихъ дочери Терезѣ минуло шестнадцать лѣтъ, мадамъ Петиту внезапно рѣшила, что

довольно она похозяйничала и что пора повеселиться.

— Мы ѣдемъ въ Парижъ,—рѣшила она и стала искать покупателей на землю.—Я хочу пожить такъ, какъ живутъ люди! въ мои сорокъ лѣтъ парижанки скачутъ по баламъ, а чѣмъ я хуже другихъ!

НА СѢВЕРѢ ФРАНЦІИ. РЫТЬЕ ТРАНШЕЙ.

СЪ ПОДАРКАМИ НА ПОЗИЦИЯХЪ.

И мадамъ Петиту становилась посреди комнаты, упирая въ полные бока свои руки, твердая и упругая, какъ резина, и скалила пзъ-подъ сочныхъ губъ крупныя бѣлыя зубы.

— Конечно, мой ангелъ, ты еще въ полномъ соку, — робко отвѣчалъ мужъ, съ восторгомъ думая о Парижѣ, въ которомъ онъ провелъ все свое дѣтство и юность.

М-ше Петиту шлепала его снисходительно по щекамъ и говорила своимъ тихимъ голосомъ, отчего долго еще дрожалъ воздухъ въ комнатѣ:

— Га, га, мой старикъ! мы еще съ тобой попляшемъ, благодаря моей головѣ. Ну, что-бы съ тобой стало, если-бы не было меня! Нѣтъ, ты слишкомъ слабъ, чтобы устраивать свои дѣла.

Въ Парижѣ они сняли квартиру въ три комнаты и зажили благополучными рантье. Но видно слишкомъ ужъ понадѣялась м-ше Петиту на свои силы. Все-таки она не была прирожденной парижанкой, и танцы обошлись ей дорого, — она упала замертво на одномъ такомъ балу на берегу веселой Сены.

Нотариусъ извѣстилъ вдовца, что все состояніе свое м-ше Петиту завѣщала дочери Терезѣ съ тѣмъ, чтобы она кормила и содержала отца. Господинна Петиту это нисколько не огорчило. Жизнь съ женой совершенно отучила его обращаться съ деньгами.

Тереза была славной дѣвушкой и заботилась объ отцѣ, какъ могла. Она очень походила на мать, и фи-

гурой, и характеромъ, и когда ей приходило въ голову передъ сномъ пожурить отца, господину Петиту казалось, что это ворчитъ его жена, и онъ могъ спать совершенно спокойно, зная, что все осталось по прежнему.

Но къ Терезѣ посватался Франсуа, славный малый изъ мучного склада. Онъ повелъ господина Петиту въ ресторанчикъ «Зеленыя занавѣски» у вокзала Монпарнасъ и угостилъ его рюмочкой чудеснаго ликера.

— Заживемъ старина, — говорилъ Франсуа, и трепалъ господина Петиту по коленнымъ, — отдайте за меня вашу дочь Терезу.

Положительно онъ былъ неотразимъ!

Въ томъ же ресторанѣ, только наверху, въ кабинетѣ устроили свадебный пиръ. Самъ господинъ Лакерель сѣдиль за всѣмъ, чтобы не ударить лицомъ въ грязь.

Господинъ Петиту остался очень доволенъ.

— Это напомнило мнѣ одинъ день изъ моей юности, — говорилъ онъ, склоняясь къ широкому плечу зятя, — день, котораго я никогда не забуду, — вскорѣ послѣ осады Парижа...

А на утро м-г Франсуа, надѣвъ свою лучшую пару, черную шляпу и перчатки, повелъ жену и тестя обѣдать.

Онъ занялъ столикъ противъ углового окна, выходящаго на площадь, гдѣ выгибался желѣзный мостъ

САНИТАРНЫЙ ОТРЯДЪ НА ПЕРЕДОВЫХЪ ПОЗИЦІЯХЪ.

вынырнувшего изъ подъ земли метро,—и предложилъ каждому выбрать, что имъ по вкусу.

Потомъ, когда было выпито два литра вина, и глазки Петиту съзились въ чуть видныя щелочки, а полное лицо Терезы покраснѣло, какъ помидоръ, Франсуа вполне ясно и логически высказалъ свой взглядъ на вещи, свой планъ дальнѣйшей жизни.

Онъ говорилъ очень красиво, очень умно и очень длинно. Изъ его словъ мосье Петиту понять, что господинъ Франсуа дѣльный малый и великолѣпно сумѣетъ пристроить капиталъ Терезы. Онъ рѣшилъ поѣхать на родину въ Феканъ и открыть тамъ въ своемъ родномъ городкѣ лавочку, самую обыкновенную лавочку. Она можетъ приносить педурный доходецъ. Тутъ шло очень подробное разъясненіе.

— Ну, а ты старина, останешься здѣсь—неправда-ли?—закончилъ любезный зять,—куда тебѣ тащить свои старыя кости? Мы съ Терезой найдемъ тебѣ удобную комнатку и дадимъ тебѣ сорокъ франковъ на твои расходы... Неправда-ли недурно?

И, довольный самимъ собой, мосье Франсуа потребовалъ еще литръ вина.

Разливъ вино по стаканамъ, онъ совсѣмъ разобрѣлъ. Его тронула кроткая улыбка осовѣвшего старика. Онъ хлопнулъ его по плечу и залился веселымъ смѣхомъ.

— Держу пари, старый грѣховодникъ, что ты по-

тратишь всѣ эти деньги на дѣвченокъ и пожалуй забудешь обѣдать... Нѣтъ, Франсуа этого не можетъ допустить! Слышишь Тереза, я не оставлю твоего отца безъ обѣда, это не въ моихъ правилахъ!.. Мы сейчасъ все устроимъ съ господиномъ Лакерель: ты будешь, старикъ, получать каждый день свою тарелку супа, чортъ возьми! Пожизненную тарелку супа отъ господина Лакерель—полную тарелку дымящагося супа!

И Франсуа залился на всю залу раскатистымъ смѣхомъ, довольный своей выдумкой.

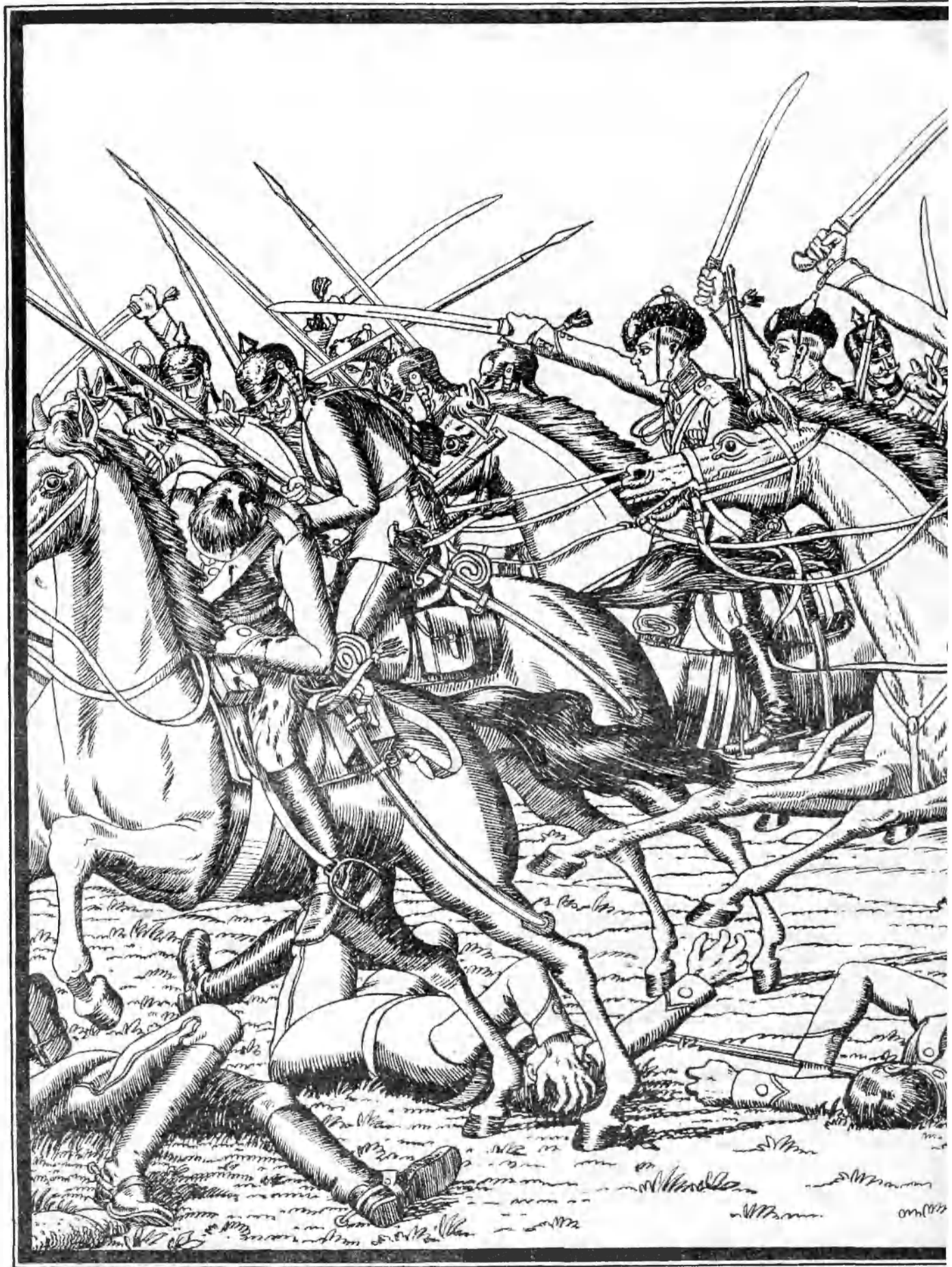
Такъ Петиту получилъ эту своеобразную ренту, которой пользовался съ тѣхъ поръ много лѣтъ кряду.

Конечно меню его нзрѣдка разнообразилось, иногда это было тонкое консоме, иногда кремъ д'оржъ, иногда же великолѣпное *rot-au-feu*

Во всякомъ случаѣ, господинъ Петиту не могъ жаловаться на господина Лакереля,—онъ честно выполнялъ свое обязательство.

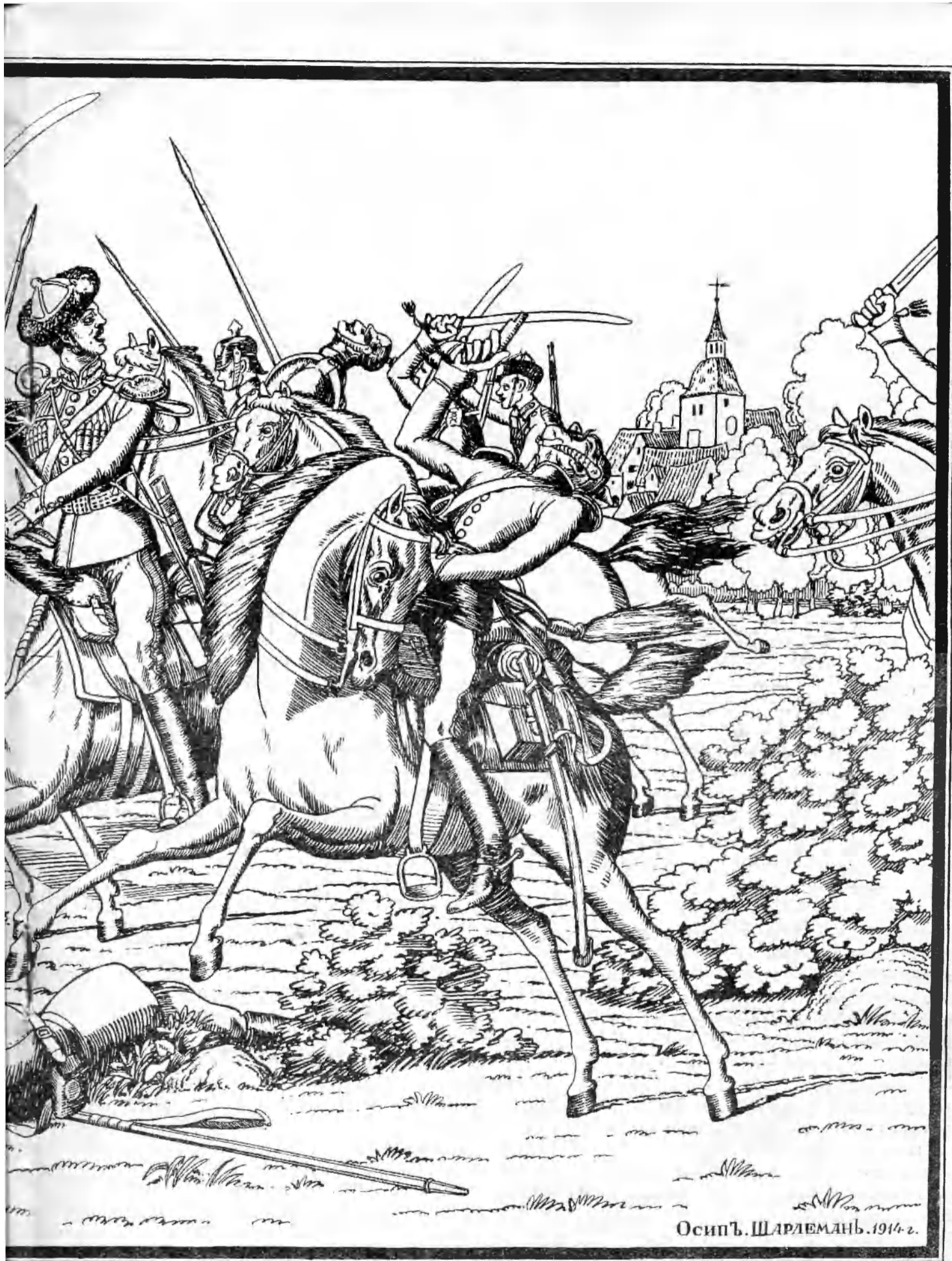
Мосье Петиту былъ старымъ республиканцемъ и поэтому онъ читалъ только «свою» газету, очень интересуясь политикой. Кромѣ того, онъ любилъ вспоминать, какъ будучи молодымъ парнемъ, онъ участвовалъ въ оборонѣ Парижа въ 1870-омъ году.

— Чортъ возьми—это были тяжелыя времена. Тринадцатаго сентября генералъ Трошю произвелъ смотръ всѣмъ войскамъ, находящимся въ Парижѣ вмѣстѣ со 120 баталіонами Национальной гвардіи, въ

О. Шарлемань.

АТАРА КАБАЛЕ

ИСТОВЪ НА НЪМЦЕВЪ.

(Перепечатка воспроизводится).

МОЛЕБЕНЬ НА ПОЗИЦИЯХЪ ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА.

рядахъ которой находился и я. Но увы, какъ жалокъ былъ этотъ парадъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что было еще такъ недавно!.. Глазь не могъ найти ничего, чтобы могло его порадовать... Суровая пѣхота, быстроногіе охотничьи баталіоны, рѣшительные зуавы, блестящіе кавалеристы въ латахъ и каскахъ, артиллеристы и саперы въ скромныхъ, но элегантныхъ мундирахъ,—увы, что случилось со всѣми этими образцовыми войсками, которыя дѣлали честь нашей странѣ три года тому назадъ! Чтобы найти ихъ жалкіе остатки, нужно было бы заглянуть въ Мецъ, окруженный желѣзнымъ кольцомъ пруссаковъ или за толстыя стѣны нѣмецкихъ крѣпостей, гдѣ они томились плѣнниками... жалкіе, истерзанные, обманутые... Мы шли неровными рядами, плохо одѣтые и вооруженные, чувствуя, что сгубили намъ нашу Францію, имѣя только одну радостную возможность кричать: «Да здравствуетъ республика» подъ звуки марсельезы.

Идѣть, чортъ возьми, я маленькій старый человекъ, но и у меня закипаетъ кровь, какъ только я это вспомню!..

И Петиту ударялъ сухопѣкимъ кулачкомъ по столу, отчего прыгали шахматныя фигуры, путая всю игру.

А Босю говорилъ угрюмо:

— На васъ плохо дѣйствуютъ ваши воспоминанія, господинъ Петиту,—вы также хорошо путаете ходы, какъ и Наполеонъ III.

Послѣднее время Петиту вспоминалъ все чаще это далекое, обидное прошлое. Его волновала «его»

газета съ ея тревожными политическими новостями, а когда Германія объявила наконецъ войну Франціи, онъ пришелъ въ ресторанъ «Зеленя занавѣски» вопреки своему обыкновенію часомъ позже.

— Тарелку супа господину Петиту! — крикнулъ хозяинъ Лакерель, завидя своего постоянного гостя,—мы жакетса опять на порогѣ великихъ событій, мосье Петиту.

Мосье Петиту сѣлъ на свое мѣсто, молча сѣлъ свою тарелку супа и только тогда, подойдя къ хозяину, проговорилъ взволнованно:

— Вы понимаете, вы понимаете, что это такое! Вѣдь это реваншъ, реваншъ, чортъ возьми!—и быстро, быстро засѣменилъ къ выходу.

Три дня не показывался въ рестораничкѣ «Зеленя занавѣски» мосье Петиту.

Три дня подрядъ сѣдалъ его тарелку супа прожорливый гарсонъ.

Мосье Лакерель, у котораго хлопотъ было эти дни больше, чѣмъ когда либо, такъ какъ съ вокзала все чаще стали къ нему захаживать молодые рекруты и запасные,—хохоча во все горло, кричалъ господину Босю, тщетно поджидавшему партнера:

— Лопни я на этомъ мѣстѣ, если мосье Петиту не пошелъ въ солдаты!

Наконецъ на четвертый день старикъ пришелъ въ обычное время и сѣлъ на свое обычное мѣсто. Лицо у него было усталое и недовольное.

(Перепечатка воспрещается)

— Вы были больны?—осторожно спросил его господинъ Босю, разставляя шахматы.

Мосье Петиту отвѣчалъ угрюмо:

— Къ сожалѣнію, нѣтъ...

Потомъ въ срединахъ игры пробормоталъ, точно думая вслухъ:

— Это мы еще посмотримъ, какъ они управятся безъ людей, знающихъ свое дѣло, такъ хорошо какъ я...

Хотя бы у этого толстяка Жоффа было семь пядей во лбу!

Когда пруссаки стали подходить къ Парижу, и правительство переѣхало въ Бордо, мосье Петиту сталъ совсѣмъ непроницаемъ. Онъ только криво улыбался, читая свою газету.

— Хорошо, что у меня есть моя тарелка супа,— повторялъ онъ, потирая руки въ то время какъ мосье Босю дѣлалъ свой ходъ:— мнѣ, по крайней мѣрѣ, не придется ѣсть мышей, какъ въ былое время.

Но мосье Босю, всегда угрюмый скептикъ, возражалъ своимъ скрипящимъ басомъ стараго зуава:

— Она не такъ вѣрна, какъ наше море, эта ваша тарелка супа. Въ одинъ прекрасный день предпріятіе господина Лакереля можетъ лопнуть.

Мосье Петиту испуганно моргалъ глазками.

— Вы это не въ шутку, господинъ Босю?

— Теперь не такое время, чтобы шутить, господинъ Петиту,—невозмутимо отвѣчалъ старый зуавъ.

Это предположеніе сильно встревожило Петиту.

На стражѣ въ воинскомъ вагонѣ.

(Перепечатка воспрещается).

Воронка, вырытая въ землѣ тяжелымъ германскимъ снарядамъ.

(Перепечатка воспрещается).

Въ окопахъ.

Каждый день, подходя къ порогу рестораника «Зеленяя занавѣскы», онъ подозрительно оглядывалъ всѣ пять его оконъ, боясь найти ихъ заколоченными.

— У васъ все благополучно, хозяинъ Лакерель?

— Пока, слава Богу, господинъ Петиту...

— И не думаете, что можетъ пойти хуже?..

— Что за странныя мысли?

Тогда, становясь на носки сапогъ, и наклоняясь къ уху хозяина, старикъ шепталъ ему:

— Я что то сомнѣваюсь въ этомъ толстомъ Жоффри—какъ бы онъ чего не напуталъ. Но вы мнѣ все таки сохраните мою тарелку супа?

Мосье Лакерель хлопалъ себя по малиновому жилету и хохоталъ:

— Нѣтъ, вы право шутникъ, господинъ Петиту! Я бы на мѣстѣ правительства избралъ бы васъ главнокомандующимъ!

И потомъ, поворачивая старика спиной и логонько подталкивая его ладонью, онъ приговаривалъ:

— Идите-ка ѣсть, дружище... Сегодня ваше рота-тен особенно удачно, а я настолько добръ, что не беру съ васъ лишняго...

Такой отвѣтъ какъ будто бы успокоилъ мосье Петиту. Во всякомъ случаѣ онъ продолжалъ каждый день съ аппетитомъ ѣсть свой супъ.

Но это не мѣшало ему время отъ времени качать укоризненно головой и шамкать недовольно губами, когда онъ читалъ свою газету.

(Перепечатка воспрещается).

Русская батарея въ дѣйстви.

— Можетъ быть онъ и очень хитеръ, — этотъ Жоффри, но я его плохо понимаю. Что-жъ подѣлать, когда на твоихъ плечахъ шестьдесятъ лѣтъ и ты не генералъ, — съ тобой перестаютъ считаться... Надъ тобой начинаютъ смѣяться и говорятъ, что ты не годишься даже для пушечнаго мяса... А все таки старый солдатъ лучше мальчишекъ...

И вотъ однажды, когда весь Парижъ сотрясаясь отъ радостныхъ криковъ и толпа бѣжала изъ одного конца города въ другой за военными автомобилями, въ которыхъ везли трофеи, отбитые у отступающихъ германцевъ, мосье Петиту такъ-же, какъ и всѣ въ ресторанчикѣ «Зеленя занавѣски», вскочилъ изъ-за своего столика и сталъ у окна, слѣдя за густыми волнами народа.

— Ба, ба, — шепталъ онъ, — пожалуй изъ этого что-нибудь выйдетъ.

Онъ потиралъ сухія ладони своихъ маленькихъ рукъ, а губы его высохли отъ волненія. Въ это время стеклянная дверь ресторана раскрылась, и въ залу вошло нѣсколько солдатъ.

Это все были рослые малые, загорѣлые и веселые, несмотря на то, что нѣкоторые были на костыляхъ и съ повязками на головѣ.

Они сѣли за столъ и попросили ѣсть.

Мосье Петиту долго смотрѣлъ на нихъ.

Они смѣялись и громко разговаривали.

Наконецъ одинъ, самый молодой, еще безусый парень, воскликнулъ:

— Чортъ возьми, ну и молодецъ же этотъ главнокомандующий, — хорошаго перцу задалъ онъ нѣмцамъ!

Мосье Петиту робко отозвался изъ своего угла:

— Развѣ ужъ такъ хороши наши дѣла?

Молодой солдатъ подмигнулъ ему глазомъ, хитро поглядывая на его тарелку съ еще дымящимся супомъ, и весело отвѣтилъ:

— Хорошо то хорошо, но не совѣмъ такъ блестяще, какъ твои дѣла, мой старина! Они намъ не даютъ такъ спокойно ѣсть нашъ супъ, какъ ты это дѣ-

лаешь тутъ. И потомъ, чортъ возьми, на войнѣ отвыкаешь отъ супа, если онъ не изъ крови съ порохомъ!..

Солдаты захохотали во всю глотку — такъ имъ понравилась острота ихъ товарища, а мосье Петиту съежился и незамѣтно вышелъ на улицу.

На слѣдующій день ровно въ четыре часа гарсонъ изъ ресторана «Зеленя занавѣски» видѣлъ, какъ мосье Петиту пересѣкъ площадь и вмѣсто того, чтобы направиться къ ресторану, пошелъ къ вокзалу Монпарнасъ. Пробыло пять, а онъ все еще не появлялся. Въ четверть шестого звякнула входная дверь и въ залу вошелъ молодой саперъ съ перевязанной рукой и на костыляхъ. За нимъ сѣменилъ Петиту.

Они оба сѣли за тотъ столикъ, гдѣ обычно сидѣлъ старикъ.

— Тарелку супа господину Петиту! — крикнулъ хозяинъ Лакерель.

Мосье Петиту подхватилъ довольный:

— И порцію зелени, если позволите!

Потомъ, оборотясь къ своему спутнику, устало поникшему надъ столомъ, воскликнулъ:

— Я всегда говорилъ, что этотъ толстякъ Жоффри молодчина! Правда, онъ не хотѣлъ взять меня въ солдаты, но за то онъ сохранилъ мнѣ мою тарелку супа, которую я осмѣлюсь предложить вамъ, нашъ доблестный защитникъ... Какъ ни какъ, война не шуточное дѣло... и каждый можетъ быть чѣмънибудь полезенъ...

И сразу прищурившись и лукаво улыбаясь, онъ сказалъ, съ особеннымъ видомъ бывалаго человѣка, точно давно уже ему знакомую вещь:

— Теперь, до выздоровленія, вы можете пользоваться моей скромной рентой въ этомъ ресторанѣ, потому что, чортъ возьми, на войнѣ отвыкаешь отъ супа, если онъ не изъ крови съ порохомъ...

Юрий Слезкинъ.

(Перепечатка воспрещается).

Русская батарея.

ПОЛЕВАЯ ХЛЪБОПЕКАРНЯ.

КЛОДЪ ФАРРЕРЪ.

ДЕСЯТЬ СЕКУНДЪ.

РАЗСКАЗЪ.

ОЛИВЬЕ-ДЕ-СЕРРЪ, мичманъ и помощникъ завѣдывающаго движеніемъ порта Сафи въ Марокко, вскочивъ отъ послѣобѣденнаго сна, натянулъ холщевыя брюки, форменный пиджакъ и выбѣленные мѣломъ туфли, надѣлъ каску, взялъ револьверъ и спустился на берегъ. Было три часа: жаръ солнца постепенно уменьшался, и туземные рабочіе приступали къ обычному труду—выгрузкѣ баркасовъ. На рейдѣ раскачивались три парусныя судна, привязанныя цѣпями. Въ обязанности Оливье-де-Серръ входило наблюденіе за таможей, нагрузкой и разгрузкой баркасовъ порта Сафи. Въ то же время онъ несъ службу полицейскаго чиновника. Подъ его безразличнымъ взглядомъ ловкіе матросы проворно подтягивали суда къ берегу. А онъ равнодушно глядѣлъ на знакомую картину, разстилавшуюся передъ нимъ.

Два утеса, вѣзавшіеся въ синій рейдъ, какъ двѣ обнаженныя челюсти, вырисовывались причудливыми узорами на яркомъ небѣ. За величавой зубчатой стѣной городъ раскинулся арабскими террасами. У подножья бастіоновъ и башенъ золотой коверъ берега спускался къ сверкающей, бѣлой пѣнѣ волнъ.

Благодаря цѣпи утесовъ, вдающихся въ море, беззащитный съ виду портъ легко выдерживалъ напоръ валовъ, непрерывно бьющихся о мароккскіе берега. Баркасы чуть двигались вдоль набережной подъ крики

выгрузчиковъ. Кучи оборванцевъ волновались вокругъ мѣшковъ и сундуковъ, снушенныхъ на берегъ. Сѣрыя куртки, темныя бурнусы, голубые кафтаны и бѣлыя тюрбаны мелькали въ этой кучѣ.

Несмолкаемый крикъ, крикъ специфически мусульманскій, острый, гортанный, раздражающій, поднимался изъ толпы вмѣстѣ съ густымъ облакомъ пыли и песку. И стоя во весь ростъ на кучѣ брезента и нагроможденныхъ канатовъ, Оливье-де-Серръ кашлялъ и теръ глаза, задыхаясь отъ ослѣпляющаго и удушьящаго облака.

Вдругъ, крикъ, арабовъ удвоился и сталъ болѣе ожесточеннымъ. Серръ, удивленный, спустился и, толкая плечами не сразу разступавшихся передъ нимъ людей, пробился впередъ и очутился посреди шумящихъ.

Вотъ что представилось его глазамъ:

Два длинные деревянные сундука, окованные желѣзомъ, только-что выгруженные на берегъ, показались подозрительными чиновникамъ мароккской таможи. Получатель этихъ сундуковъ, европеецъ, видный негодянтъ, съ выпуклыми бессмысленными глазами подъ золотымъ пенснэ, протестовалъ и угрожалъ, помахивая документами, которые, какъ онъ увѣрялъ, были въ полномъ порядкѣ. Оливье-де-Серръ услышалъ конецъ его пылкой рѣчи:

— Я—«сидъ» Германъ Шластеръ, изъ Императорскаго Консульства Его Величества Германскаго Султана, Любимца Аллаха, Защитника истинной вѣры. Ты же невѣрная собака, сынъ собаки. И твоя проклятая рука изсохнетъ прежде, чѣмъ коснется моихъ товаровъ.

Онъ говорилъ на чистомъ арабскомъ языкѣ. Преисполненная почтенія толпа волновалась. Испуганный таможенный чиновникъ не зналъ, какъ поступить.

Имѣя нѣкоторую смѣлость и хитрость, не трудно нарушить законъ въ странѣ Марокко. Повидимому, «сидъ» Германъ Шластеръ зналъ это.

Но, какъ разъ сегодня сидъ Германъ Шластеръ не предвидѣлъ появленія начальника. Въ ту минуту, когда инцидентъ казался уже законченнымъ въ пользу европейца, Оливье-де-Серръ, съ папирской въ углу рта, подошелъ вплотную къ нѣмцу.

— Милостивый государь, хотя вы и нѣмецкій чиновникъ, сказалъ онъ очень вѣжливо по французски, вы не должны протестовать противъ исполненія законовъ этой страны. Что касается меня, — я нахожусь здѣсь специально, чтобы слѣдить за ихъ неукоснительнымъ исполненіемъ. Я уполномоченъ моимъ государствомъ съ согласія Мароккскаго правительства. Извиняюсь, но я обязанъ защитить этого чиновника отъ вашего несправедливаго гнѣва. Ваши сундуки будутъ вскрыты.

Апплексически красный нѣмецъ отступилъ.

— Милостивый государь, началъ онъ шепотомъ, — берегитесь, милостивый государь...

Онъ говорилъ тоже по французски, почти безъ акцента, и его голосъ дрожалъ отъ плохо сдерживаемой злости. Серръ безстрастно повернулся къ нему спиной:

— Откройте сундуки.

Туземный солдатъ въ красной одеждѣ подошелъ, чтобы исполнить приказаніе. Въ рукахъ у него были ножницы и молотокъ. Онъ ударилъ въ щель между двумя досками. Но при первомъ же ударѣ нѣмецъ, болѣе приткій, чѣмъ этого можно было ожидать по его круглому животу, вскочилъ на сундукъ и протяжно крикнулъ:

— О, братья...

Онъ протянулъ руки къ толпѣ. И Оливье-де Серръ, уже удалявшійся, круто остановился. Онъ тоже недурно говорилъ на арабскомъ языкѣ и прекрасно понималъ его. И онъ превосходно зналъ, что въ Африкѣ всякій ораторъ съ здоровыми легкими можетъ найти себѣ большую аудиторію, заранѣе съ нимъ согласную.

Поэтому онъ понималъ, что нѣмецъ надсаживаетъ грудь не напрасно.

— О, братья, смотрите, вотъ тиранія, идущая къ

вамъ съ сѣвера, чтобы придавить васъ. Вотъ ужасный трехцвѣтный флагъ, который развѣвается надъ Могребомъ, какъ сѣгъ охотника надъ гнѣздомъ соколовъ. Потерпите ли вы, чтобы мусульмане согнули спины погъ палками гауровъ?

Молотокъ солдата равномерно постукивалъ по уступающимъ доскамъ:

— О, братья! Посмотрите на этотъ сундукъ, который открываютъ, благодаря дерзости христіанина. Конечно, онъ полонъ не мукою, какъ сказано въ бумагѣ. Но что же въ немъ? Оружіе, братья мои. Оружіе, для васъ, мусульмане. Ружья, хорошія ружья, которыя мой господинъ султанъ Вильгельмъ посылаетъ вамъ тайно, чтобы снабдить васъ ими. И вотъ, этотъ гауръ, сынъ шакала и собаки...

Внезапно его патетически-завывающій голосъ оборвался. Оливье-де-Серръ вскочилъ на полуоткрытый ящикъ рядомъ съ сидомъ Германомъ Шластеромъ. Холодно, безъ единаго лишняго жеста или слова, онъ приставилъ револьверъ къ груди оратора:

— Замолчите, сказалъ онъ совершенно спокойно.

Изумленный Германъ Шластеръ замолкъ на полсекунды. Но затѣмъ, набравшись воздуха, онъ крикнулъ съ новой силой:

— Братья, братья... Смотрите... Слушайте...

Они стояли лицомъ къ лицу—французскій офицеръ и германскій контрабандистъ. Одинъ—блѣдный, тонкій, нѣмой, одинъ—противъ всѣхъ. Другой—огромный, багровый, кричащій, заодно съ толпой, которую онъ взбунтовалъ, съ толпой, уже угрожающей и страшной. Съ каждой минутой она становилась плотнѣе и свирѣпѣе. Осторожный мароккскій солдатъ улизнулъ съ таможеннымъ чиновникомъ, предчувствуя драку и убійство, безъ зазрѣнія совѣсти покидая своего начальника.

Теперь нѣмецъ, первое движеніе котораго было ретироваться, осмѣлѣлъ, чувствуя за собой силу, и кричалъ во весь голосъ. А французъ—одинъ противъ толпы—колебался, или только казалось, что онъ колеблется, не выпуская револьвера изъ рукъ.

Наконецъ заговорилъ и французъ. Онъ заговорилъ своимъ спокойнымъ, холоднымъ голосомъ. И сидъ Германъ Шластеръ не смогъ не прервать потока своей рѣчи, чтобы услышать короткую угрозу этого блѣднаго, тонкаго человѣка. Онъ былъ одинъ, но онъ не отступалъ.

... Я вамъ даю десять секундъ, чтобы вы замолчали. Если вы не замолчите, когда истечетъ десятая секунда, я васъ убью...

Такъ сказалъ Оливье-де-Серръ съ револьверомъ въ рукѣ. И онъ началъ считать, не торопясь, но не колеблясь...

ВЪ ОКОПЫ.

ПРИВАЛЪ.

— Разъ, два, три, четыре...

Кровь отхлынула отъ красныхъ, какъ сырое мясо, щекъ тевтонца. И сидъ Германъ Шластеръ сталъ блѣднѣть, какъ полотно. Но, опомнясь, онъ снова закричалъ:

— Братья, братья. На помощь... Именемъ Аллаха...

Холодный и сухой голосъ продолжалъ:

«Пять, шесть, семь...

Арабскіе «братья» колебались.

Тогда Германъ Шластеръ въ отчаяніи повернулся къ французу.

— Милостивый государь, не забываетесь. Я канцлеръ императорскаго консульства. Я — дипломатъ, германскій дипломатъ.

Убийственно безстрастно, не обращая вниманія, человекъ считалъ:

«Восемь»...

Нѣмецъ испуганно озирался. Толпа, готовая броситься, не бросится, конечно. О, конечно, раньше, какъ черезъ двѣ секунды. Между тѣмъ, въ ухахъ Германа Шластера предпоследняя секунда звучала какъ похоронный звонъ.

— Девять...

Тогда нѣмецъ тревожно заглянулъ въ стальные сѣрые глаза француза. Десятая секунда ползла медленно, какъ цѣлый вѣкъ. И нѣмецъ безпокойно замигалъ, въ предчувствіи неминуемой смерти, передъ взглядомъ непреклонныхъ глазъ.

Тысячи мыслей пробѣгали въ ихъ глубинѣ. Тысячи и десятки тысячъ... Но эти мысли могли прочесть только другіе такіе же глаза; другіе глаза той-же расы, которые никогда не мигаютъ и не опускаются и умѣютъ тѣмъ же взглядомъ смотрѣть въ лицо смерти и жизни.

Оливье-де-Серръ, съ револьверомъ въ рукѣ, гото-

вый убить, былъ самъ какъ умирающій. Потому что для смѣлаго человека все равно, когда близка смерть, кого она выберетъ, его самого или врага. Оливье-де-Серръ, готовый убить, готовый быть убитымъ, не все-ли равно?—понималъ, въ эту десятую секунду всѣ роковыя послѣдствія неизбежнаго выстрѣла.

Видѣнья ужаснаго кошмара...

Поля, покрытыя солдатами... поля, покрытыя трупами... Кровь, ручьи крови... рѣки крови... Выигранныя, проигранныя сраженія... Свѣжая рана въ груди отечества, рана изъ которой уходитъ жизнь, миллионы жизней...

Война неизбежна. Война, чтобы отомстить за смерть дипломата-чиновника, убитаго хладнокровно должностнымъ лицомъ, даже справедливо убитаго.

Война неизбежна...

Но надо убить. Надо убить, рискуя убить Францію тѣмъ выстрѣломъ, который уничтожитъ ея врага...

Надо убить, потому что честь дороже жизни.

Оливье-де-Серръ убьетъ.

— Десять.

Палецъ касается курка.

Но уже, не дожидаясь выстрѣла, Германъ Шластеръ падаетъ на колѣни и кричитъ:

— Пощады.

Мгновенно успокоенная толпа громко хохочетъ. Она презираетъ побѣжденнаго и рукоплещетъ побѣдившему.

Дрожащій «спидъ» Германъ Шластеръ все еще на колѣняхъ.

Мичманъ Оливье-де-Серръ мгновение смотритъ на него. Затѣмъ, опустивъ револьверъ въ карманъ, не произнеся ни слова, онъ поворачивается и уходитъ, заложивъ руки въ карманы.

Перев. Е. Ц.

II. РЫССЬ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ УЛИЦА.

Люди, малоосведомленные в программных вопросах, но страдающие неприятной болванью уличного радикализма или уличного же консерватизма, убеждены, что война все «смысла»: и людей, и события. Улица видит лишь внешнее: она заметила единение страны и, не анализируя происходящего, закричала о смирении языков. Было бы излишним объяснять, что всякий общественный организм в критические моменты действует блокупно и единообразно, на данный критический срок устранения антагонизма отдельных социальных групп. Когда Аннибал стоял у ворот Рима, последний объединялся для самосохранения. Такова органическая потребность, диктуемая инстинктом общественности. И в непроизвольном единении сказываются тогда ум и сердце нации и степень любви граждан к вскормившей их стране.

Столь же излишним было бы, объяснять, что вся политическая течения, объединяемая инстинктивной тактикой, вытекающей из условий момента, растворяясь в общем действии, остаются при своих программных начертаниях, отстраняемых лишь на краткий срок. И в минуты действий, не сопряженных с необходимостью защиты всепоглощающего общаго, отдельные люди и партии последовательно проводят в жизнь свои идеи.

Говорить нынче о столь элементарных вещах диктуется необходимостью. Значительная часть нашей интеллигенции, обычно питающейся готовыми шаблонами, в начале войны растерялась и упорно молчала, не понимая сущности развертывавшихся событий. Но шли дни, постепенно исчезала растерянность, а одновременно оживали те шаблоны, которые хороши уже тем, что можно не думать, подгоняя все под казенный образец «радикальных» или «реакционных» вульгарных «догм». Если дешевые реакционеры из «Земщины» и «Русского Знамени» негодовали на то, что Пуришкевич «опустился» до Керенского, — то и безличные радикальствующие «соловьи» возмущались «близостью», которая-де установилась между левыми и правыми течениями общественности. Пуриштане обоих лагерей прибегали к одним и тем же доказательствам греховности провинившихся, трактуя о неизбежности принципов, которые молчало забыть. Къ скудоумию присоединилась озлобленная нетерпимость. А чувство безответственности могло превратить в «героев» тех, которых увлекали ни к чему не обязывающие слова. И в роли «судей совести» вдруг появились «третьи» люди, люди со стороны. Они приняли благородную позу и стали обличать... Кого? Всех, не высказывая своих желаний и своей программы действий. Ибо, если желания их сумбуры, — программа совсем отсутствует.

Быть может, весь этот неловкий маскарад, когда передвигая ханжи заливаются соловьями, длился бы еще долго, если бы факты не обнаружили истины вещей. За два недли до начала работы Государственной Думы, приступила к занятиям бюджетная комиссия последней. Интерес прений в этой комиссии сводился к тому, что ни одна из партий не отказалась от своей программы. Война объединила страну и исполнительницу ее воли — законодательную палату — в одном чувстве. Мы помним то заседание, когда представители враждующих партий нашли общия слова, под которыми могли

расписаться левые и правые. Но даже эта исключительная по своим размерам и заданиям война не могла устранить законной борьбы идей и программ. Мы могли убедиться, что г. Крупенский по-прежнему яростно отстаивает интересы крупного землевладения, почему и противится введению прогрессивного подоходного налога. Мы видели, что г. Замысловский не «опустился» до Чхеидзе и по-старому поносит и готов задушить малейшее проявление общественной самостоятельности, даже тогда, когда общество мобилизует силы для исключительной цели: помощи раненым воинам. Мы видели, наконец, что г. Милоков, Керенский и Чхеидзе стойко защищают интересы демократической части населения, в соответствии с принципами, исповедуемыми их партиями. Так, конечно, и должно было быть, и иначе быть не могло. В разнородном организме, каково государство, должна происходить борьба мнений, в противном случае государство повергается в мертвую спячку. И данные факты должны раз навсегда указать «моралистам», что в их выступлениях нет никакой нужды. Их дешевые радикализм и консерватизм питаются в лучшем случае — невежеством, а обычно — озлобленностью и дурным желанием быть «чистыми». Они уходят от греха, ибо ни греха, ни добродетели сотворить не могут. Стоять в стороне, усмехаются и критикуют, уж чего удобище! Их нет там, где идет работа, где приходится прямо сказать: «да» или «нет», а не отбиваться ничего значущими «да — нет». Таких людей, ни холодных, ни горячих — было много всегда, а теперь и слишком много. Ошеломленные, эти люди быстро осваиваются с положением и столь же быстро принимают на себя, без чьей-либо просьбы, роль учителей, мудрых и благородных. Но это учительство не имеет программы, оно глубоко-безпринципно, подвержено только законам «удобного момента» и оказывает развращающее влияние на слабые умы и безвольные характеры.

Съ начала настоящей войны можно было заметить, что глубокою фальшью проникнуты слова тех «третьих», которые, оставаясь в стороне, не говоря ни «да», ни «нет», скорбят о «смирении», плачут о «сумбури» и негодуют по поводу «союза» Пуришкевича с левыми. Факты доказали, что все осталось на своем месте, что необходимость объединения не могла устранить глубоких противоречий. Остается пожелать, чтобы писни благородных «соловьев» расшались подалее оттуда, где нужны не писни, а нечто другое: определенность взглядов и мужество — для выражения последних. Россия находится пред разрешением великим проблему своего будущего. По окончании войны придется немедленно приступить к разрешению национального вопроса, к изысканию новых путей для экономической политики. И тогда на старых позициях окажутся, конечно, серьезные партии и серьезные люди. Они ничего не забыли, но многое усвоили из опыта последних месяцев. И работа тех, кого безпринципные соловьи обвиняют в «смирении» с инакомыслящими, обнаружит, сколь фальшиво было писние радикально-реакционной улицы.

Петръ Рыссъ.

ОТКЛКИ ВОЙНЫ.

Заботы «Синяго Креста» (во Франціи) о лошадах, раненых на полѣ битвъ. Перевязка.

Диспутъ въ Америкѣ о желательномъ исходѣ войны.

«DAILY Express» сообщаетъ, что въ одномъ изъ крупнѣйшихъ театровъ Нью-Йорка на дняхъ состоялся диспутъ на тему: «Что является болѣе желательнымъ въ интересахъ человѣчества: англійская или германская побѣда?»

Англійскую точку зрѣнія защищала известный лондонскій журналистъ Семъль Честертонъ, а защиту Германіи взялъ на себя редакторъ германо-американской газеты, «Vaterland» Георгъ Фирекъ.

Въ качествѣ судей выступили членъ редакціи New-York-Times—Луисъ Ветморъ и редакторъ Newyorker Staats Zeitung—Бернгардъ Риддеръ.

Однако, установить, на чьей сторонѣ осталась побѣда, не удалось. Судили не судьи, а публика. Но такъ страстно, что въ дѣло пришлось вмѣшаться полиціи и силой прекратить возникшую между германофилами и англофилами грандиозную драку.

Положеніе Бельги.

ГОЛАНДСКІЯ газеты говорятъ, что если пребываніе германцевъ въ Бельгіи продолжится еще мѣсяць, то въ Бельгіи начнется вымирание населенія отъ голода. Число нищихъ растетъ съ каждымъ днемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ девять десятыхъ населенія вы-

нуждено существовать за счетъ общественной благотворительности.

Минная война.

ДЪ Morning Post сообщаютъ изъ сѣверной Франціи: Въ оффиціальныхъ сообщенияхъ неоднократно упоминалось, что германцамъ удалось минировать французскіе окопы въ окрестностяхъ Реймса.

Французскій капитанъ, находившійся въ окопахъ, слѣдующимъ образомъ описываетъ взрывъ. Въ то время, какъ онъ присѣлъ, чтобы написать депешу, онъ почувствовалъ внезапно подземный толчокъ. Въ слѣдующее мгновеніе его подбросило на воздухъ и засыпало землей. Когда онъ очнулся и поднялся, онъ убѣдился, что около 40 солдатъ были похоронены подъ землей въ центрѣ окопа. Находившіеся же вправо и влево отъ мѣста взрыва солдаты остались невредимыми на своемъ посту.

Вслѣдъ за взрывомъ германцы въ теченіе нѣсколькихъ минутъ засыпали окопъ гранатами.

Когда огонь прекратился, германцы въ числѣ 200 человекъ двинулись въ атаку. Здѣсь ихъ встрѣтили залпами ружейнаго огня, а затѣмъ штыками.

Изъ 200 нѣмцевъ къ своимъ вернулось лишь нѣсколько человекъ. Французы потеряли 80 человекъ убитыми и ранеными. Образовавшаяся отъ взрыва мины воронка имѣла въ диаметръ 40 метровъ и 15 метровъ глубины.

Благодарный покойникъ.

ВЪ маленькомъ городѣ на югѣ Франціи, въ мѣстной газетѣ былъ помѣщенъ некрологъ уроженца этого города, лейтенанта, павшаго въ бою съ германцами. Некрологъ заканчивался стихотвореніемъ, въ которомъ восхвалялись заслуги покойнаго, занимавшаго видное общественное положеніе.

Вскорѣ редакторъ газеты получилъ неожиданную благодарность, изъ одного изъ лазаретовъ лейтенантъ писалъ редактору: «съ глубокимъ волненіемъ прочиталъ стихотвореніе, посвященное моей памяти. Примите мою искреннюю благодарность, ибо я только теперь понялъ, что стоилъ я при жизни».

Металлическій голодъ въ Германіи.

ГОЛАНДСКІЯ газеты сообщаютъ о новыхъ пріемахъ, употребляемыхъ

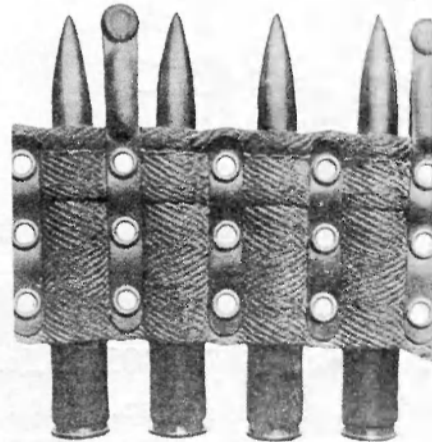
германцами для борьбы съ металлическимъ голодомъ. Газета Tirp передаетъ, что одинъ голландскій фабрикантъ, заказавшій въ Германіи машину весомъ въ 6300 килограммовъ получилъ уведомленіе, что машина доставлена въ пограничный германскій городъ, но что онъ можетъ получить ее только въ томъ случаѣ, если доставитъ въ Германію 6300 килограммовъ старого желѣза.

«Nieuwe Rotterdamsche Courant» передаетъ случай болѣе трагическій: Въ маленькомъ бельгійскомъ селеніи германскія военныя власти усмотрѣли, что крыша небольшой мѣстной часовни слѣлана изъ мѣдныхъ листовъ и приказали немедленно сорвать ее. Священникъ, пытавшійся охранять мѣстную святыню, вступилъ въ горячій споръ съ германскимъ офицеромъ и былъ убитъ имъ выстрѣломъ изъ револьвера.

Похороны жертвъ наводненія.

ГОЛАНДСКІЯ газеты сообщаютъ изъ Смонса, что въ мѣстности между Маріенкерке и Мидлькерке происходитъ сейчасъ ужасная работа. Германцы заняты здѣсь погребеніемъ погибшихъ при наводненіи германскихъ солдатъ. Трупы баграми вылавливаются изъ болотъ и каналовъ, складываются какъ бревна въ штабели, скрываются желѣзными обручами по три вмѣстѣ и погребаются въ братскія могилы.

Для этой работы германцы выписывали каторжниковъ изъ Германіи.

Нѣмецкіе патроны на ремнѣ. Германская армія употребляетъ одинаковые патроны для пулемета и для винтовки.

СТОИМОСТЬ ВОЙНЫ.

Въ послѣднемъ выпускѣ англійскаго журнала «Economist» находимъ интересныя данныя о военныхъ издержкахъ воюющихъ державъ за первые пять мѣсяцевъ войны. Цифры дапы въ англійской валютѣ отдѣльно для державъ тройственнаго согласія и отдѣльно для Германіи и Австро-Венгрии. Они составляли:

для Германіи	425 милл. ф. ст.
» Австро-Венгрии	300 » » »
Итого	725 милл. ф. ст.
для Россіи	425 милл. ф. ст.
» Франціи	825 » » »
» Великобританіи	240 » » »
» Сербіи, Черногоріи и Японіи	100 » » »
Итого	1.090 милл. ф. ст.

Такимъ образомъ расходы всѣхъ воюющихъ державъ за пять мѣсяцевъ войны достигаютъ 1 миллиарда 815 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Таковы непосредственныя военныя издержки. Еще значительно больше косвенныя потери воюющихъ державъ. Интересныя данныя въ этомъ отношеніи даетъ извѣстный экономистъ Пьеръ Гюйо на страницахъ англійскаго журнала «Nineteenth Century».

Гюйо подраздѣляетъ косвенныя потери на торгово-промышленныя убытки и на стоимость человѣческихъ жизней уби-

тыхъ или потерявшихъ трудоспособность воиновъ.

По подсчету Гюйо косвенныя убытки воюющихъ державъ исчисляются слѣдующимъ образомъ:

Германія.	
Торгово-промышленныя потери	830 милл. ф. ст.
Цѣнность человѣческихъ жизней	294 » » »
Австро-Венгрія.	
Торгово-промышленныя потери	500 » » »
Цѣнность человѣческихъ жизней	141 » » »

Итого для державъ двойственнаго Союза за торгово-промышленныя потери—1 миллиардъ 330 мил. ф. ст., а стоимость человѣческихъ жизней 435 мил.

Значительно благоприятнѣе соответствующія цифры для державъ тройственнаго согласія, а въ особенности для Россіи, торгово-промышленныя потери которой исчисляются въ 110 мил. ф. ст., а цѣнность человѣческихъ жизней въ 218 мил. Для Франціи соответствующія цифры составляютъ: торгово-промышленныя потери—600 мил., а цѣнность человѣческихъ жизней—232 мил.; для Великобританіи—торгово-промышленныя потери—100 мил., цѣнность человѣческихъ жизней—83 мил.

Такимъ образомъ, косвенныя потери державъ тройственнаго согласія значительно ниже убытковъ, понесенныхъ Германіей и Австро-Венгріей.

Торгово-промышленныя потери державъ тройственнаго согласія опредѣляются въ 810 мил. фунтовъ стерлинговъ, и цѣнность человѣческихъ жизней въ 533 мил. А всего—1.343 милліоновъ ф. ст.

Такимъ образомъ, сопоставляя данныя о прямыхъ и косвенныхъ издержкахъ воюющихъ державъ за пять мѣсяцевъ войны, получимъ слѣдующія цифры:

Потери Германіи и Австро-Венгрии:	
Непосредственныя военныя издержки	725 милл. ф. ст.
Косвенныя потери	1.765 » » »
А всего—2.490 милліоновъ ф. ст.	

Потери державъ тройственнаго согласія:	
Непосредственныя военныя издержки	1.090 милл. ф. ст.
Косвенныя потери	1.345 » » »
А всего—2.435 милліоновъ ф. ст.	

Такимъ образомъ стоимость войны за первые пять мѣсяцевъ достигаетъ колоссальной цифры 4 миллиардовъ 925 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ или въ рубляхъ 49 миллиардовъ 250 милліоновъ, причемъ не приняты во вниманіе косвенныя потери Бельгіи, Сербіи и Черногоріи. Z.

Рис. М.

СОДЕРЖАНІЕ.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ. Доля солдатская. * Р. ИВНЕВЪ. Стихи. * М. КУЗМИНЪ. Кирикова лодка. Разказъ. * Ю. СЛЕЗКИНЪ. Тарелка супа. Разказъ. * К. ФАРРЕРЪ. Десять секундъ. Разказъ. * ПЕТРЪ РЫССЪ. Политическая улица. * М. С. Отклики войны. * Z. Стоимость войны. * Обложка—С. СУДЕЙКИНА. * М. СОЛОМОНОВЪ. Бѣженцы * Фотографіи съ войны.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОТЕЧЕСТВО».

ПТГ. Б. Болотная, д. № 10.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

Король, Законъ и Свобода.

ПЬЕСА ВЪ 6 КАРТИНАХЪ.

цѣна 75 коп.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ

(о еврейскомъ вопросѣ).

цѣна 20 коп.

Первое изданіе разошлось. Печатается 2-ое изданіе.

Вся выручка поступаетъ въ «Еврейскій Комитетъ для помощи жертвамъ войны».

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

В О Й Н А.

С Т И Х И.

цѣна 40 коп.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ «Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны».

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

ЗА СВЯТУЮ РУСЬ.

ДУМЫ О РОДНОЙ ЗЕМЛѢ.

цѣна 40 коп.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ «Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны».

• ЗАОЧНЫЕ ОБЩЕДОСТУПНЫЕ • КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ и КОММЕРЧЕСКАГО САМООБРАЗОВАНІЯ.

ПРОГРАММА: Двойная итальянская и американская бухгалтерія, Стенографія (искусство писать со скоростью рѣчи), коммерц. арием., коммерц. корреспонденція, коммерц. географія, гош. овѣдѣніе. Курсъ банковаго дѣла, торговое законодательство, торговое право и др. Курсъ правописанія, каллиграфія, конторская скоропись, исправленіе почерка. **БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ** (труды професс. и преподав. высш. и средн. учебн. завед.). Отзывы спец. благ. письма. Аттестатъ бухгалтера. Льготныя условія: разсрочка отъ 2 руб. въ мѣсяцъ.

Программы и пробныя лекціи высылаются **БЕЗПЛАТНО**.
Адресъ: Книгоиздательство «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ».—
Петроградъ, Невскій, 83.

ПИСАТЬ скоро **КРАСИВО** и **ГРАМОТНО**. Курсъ **КАЛЛИГРАФІИ** въ 6 отдѣл.: Рондо, Готикъ, Батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, и извѣст. альбомъ пр. фтовъ, транспар. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обрац. на конторскую скоропись. Цѣна за полный курсъ съ приложен. 1 р. 50 к. **ПРАВОПИСАНІЕ** русскаго языка. Новѣйш. руковод. для самообучен. со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ъ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическ. ключа. Самоучит. больш. фор. 330 стр. убор. шрифт. Цѣна 1 р. 50 к. **СЛОВАРЬ** коммерц. словъ и термин., употребляемыхъ въ коммерческомъ мѣрѣ. Цѣна 1 руб. **ТАБЛИЦЫ** для быстраго вычисленія безъ помощи счетовъ и бумаги, значительно сокращен. трудъ бухгалтер. и конторш. и вычисл. на счетахъ на всѣ 4 дѣйствія арием. Цѣна 50 к. **СПРАВОЧНИКЪ** какъ поступить на службу въ казен., обществ. и частн. учрежд., форм. прошен. и писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна 1 руб. При посылкѣ налож. платеж. дорожке на 25 коп.

Книгоиздательство «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ».—
Петроградъ, Невскій, 83.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ.

ОТЕЧЕСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ.

Еженедельный иллюстрированный журнал «ОТЕЧЕСТВО» слѣдитъ за всѣми выдающимися событіями міровой жизни и даетъ ихъ освѣщеніе въ многочисленныхъ статьяхъ и иллюстраціяхъ. ■ Возникая въ грозный историческій моментъ, журналъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на великой освободительной войнѣ и является иллюстрированной лѣтописью НАРОДНОЙ ВОЙНЫ. ■ Изъ номера въ номеръ дается въ иллюстраціяхъ и статьяхъ обзоръ военныхъ дѣйствій НА СУИИ, НА МОРѢ И НА ВОЗДУХѢ; текстъ иллюстрируется картами, портретами, фотографіями и рисунками съ натуры. ■ Журналъ имѣетъ спеціальныхъ фотографовъ и художниковъ на театрахъ военныхъ дѣйствій.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала участвуютъ:

Н. Альтманъ, Б. Анисфельдъ, Ю. Анненковъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, И. Бродскій, В. Бѣлкинъ, М. Добужинскій, Д. Кардовскій, Н. Кульбинъ, Б. Кустодіевъ, Г. Нарбутъ, П. Наумовъ, А. Радаковъ, Ре-ми, Н. Рерихъ, И. Е. Рѣпинъ, Л. Пастернакъ, М. Соломоновъ, С. Судейкинъ, О. Шарлеманъ и др.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала принимаютъ участіе:

Леонидъ Андреевъ, проф. Евг. Аничковъ, А. А. Ахматова, Ю. К. Балтрушайтисъ, А. Н. Бенуа, Ал. Блокъ, Валерій Брюсовъ, Ив. Бунинъ, И. А. Бѣлоусовъ, Г. Вильямсъ (Dr. H. Williams), проф. П. Г. Виноградовъ, М. О. Гершензонъ, Влад. Гиппіусъ, Г. Гребеншиковъ, Н. С. Гумилевъ, Б. Гуревичъ, Л. Добронравовъ, О. Дымовъ, Н. Н. Евреиновъ, И. В. Жилкинъ, Б. К. Зайцевъ, Е. И. Замятинъ, Е. А. Зноско-Боровскій, Игорь-Сѣверянинъ, А. Измайловъ, Д. Н. Крачковскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, А. И. Куиринъ, С. Г. Лозинскій, В. А. Маклаковъ, М. Моравская, Г. Г. Перетцъ, проф. Б. Пэрсъ (Bernard Pares), С. Рафаловичъ, А. М. Ремизовъ, П. Рыссъ, Ѳедоръ Сологубъ, В. Б. Станкевичъ, Ив. Странникъ, П. Б. Струве, В. Танъ, проф. Е. В. Тарле, Александръ Тиняковъ, Н. Д. Телешевъ, М. Толмачева, Гр. Ал. Н. Толстой, А. В. Тыркова, Тэффи, А. Чапыгинъ, Алек. Чеботаревская, Ан. Чеботаревская, К. И. Чуковскій, Г. И. Чулковъ, В. Шишковъ, П. Е. Щеголевъ, А. М. Ѳедоровъ и др.

Въ журналѣ «ОТЕЧЕСТВО» примутъ участіе М. Барресъ, Ж. Гэдъ, Ж. Клемансо, Ромэнъ Ролланъ и др.
Редакторъ-Издатель **З. И. ГРЖЕБИНЪ**.

ЦѢНА ПОДПИСКИ: съ доставкой на годъ **7 р.**, на полгода **3 р. 50 к.**
и пересылкой Въ отдѣльной продажѣ 15 коп. номеръ На станціяхъ жел. дорогъ—20 к.

ПРОБНЫЙ № ВЫСЫЛАЕТСЯ ЗА 15 КОП. МАРКАМИ

Пріемъ подписки производится во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ Имперіи.

Для годовыхъ подписчиковъ, при непосредственномъ обращеніи въ контору журнала, допускается разсрочка: при подпискѣ—**3 руб.**, 1-го февраля—**2 руб.** и 1-го мая—**2 руб.**

Требуйте у газетчиковъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Петроградъ, Б. Болотная, 10. Тел. 159-53.

Адресъ для телеграммъ: Петроградъ, «ОТЕЧЕСТВО».

